

Вадим ШЕРШЕНЕВИЧ

Поэзия 1918 года

Прошло уже почти полгода, и никогда, даже в годы войны, оторвавшей поэтов от кабинета, книжный рынок не был так беден в поэтическом отношении. Книг стихов почти нет. Причины этому следующие: во-первых, чисто внешняя, техническая сторона — отсутствие бумаги и небывалая дороговизна печатания; но это еще победимое горе. Вторая причина — гораздо более трагична и угрюма: я говорю об увлечении поэтов политикой. Быть может, «писатель, если только он — волна, а океан — Россия, не может быть не потрясен, когда потрясена стихия», но, с другой стороны, никакое увлечение политикой и общественной работой не должно отрывать поэта от рифмических строк, потому что писать стихи для поэта — его гражданский долг, его общественная работа. И не мешает поэтам помнить слова М. Горького: «коль ты пожарный, лезь, сукин сын, на каланчу». Наши поэты — да простят мне они неловкость цитаты — не захотели быть «сукиным сыном», но, обуреваемые гражданской доблестью, полезли в комиссары, в члены всяких комитетов и советов, сменив рифму на «пролетоманию». Часть, не ограничившись работой в жизни, занялась версификаторством политических стишков, причем, право, трудно решить: что хуже? — гимны в честь пролетария или сетования по адресу «бедной родины».

Поэту я совершенно сознательно в этом моем обзоре не касаюсь стихов гражданско-политических сборников и замалчиваю газетные стихи к случаю (на восшествие на престол Керенского или на его падение, на войну или на революцию). Эта именинная поэзия останется в утешение критикам, игнорирующим дух творчества и базирующимся при оценке произведения на догматах Эрфуртской программы.

До разбора отдельных книг я хочу сказать несколько слов об отдельных стихах в журналах, газетах, альманахах. К глубоко-му нашему сожалению, почти все стихи этого года, подписанные именами Бальмонта, Иванова, Блока, поразительно анемичны и «шепелявы». Трудно отличить Эренбурга или Инбер от Ходасевича или какого-нибудь Бальтрушайтиса. Северянин, эта Вербицкая в поэзии, ослабел до жалости. Из новых имен не выдвинулось ни одного, но среди наших старых знакомцев нам не приходилось совершенно читать подписи К. Большакова, Н. Асеева, С. Третьякова и др., несомненно самых талантливых в настоящее время. Много сделал за время войны С. Спасский, обещающий выработаться в крупную величину. Потускнел и без того безнадежный Д. Бурлюк.

Замолкли и петроградцы. Не видно подписей Рюрика Ивнева, В. Курдюмова, О. Мандельштама: впрочем, те их стихи, которые нам приходилось слышать, доказывают, что талант их, особенно Рюрика Ивнева, крепнет.

Переходя к отдельным книгам, я на первое место поставлю «Гаврилиаду» Пушкина, уже по одному тому, что это первое полное издание одной из лучших поэм Пушкина. Разбирать эту книгу вряд ли нужно, но думаю, что ценителям поэзии эта книга доставит много удовольствия, а поверхностным профанам — огорчений: поэма вовсе не так «неприлична», как думали те, кто, не зная текста, похотливо пытался разгадать многоточия, проставленные цензурой.

Игорь Северянин выпустил книгу избранных поэм «За струнной изгородью лиры». Не знаю, намеренно ли это сделал Северянин, но в книге нет его лучших поэм и очень подробно представлены лирические подражания Апухтину — с одной стороны и военно-политические вирши — с другой. Издана книга аляповато и по своему подбору, несомненно, очень удобна для артистов, выбирающих, как известно, всегда самые слабые произведения, потому что они доступнее для публики.

Книга Льва Никулина «Стихи Анжелики Сафьяновой», если откинуть подражания Саше Черному, обнаружил в авторе несомненное умение владеть четким и ясным стихом, с приличными рифмами и строфами и с колоссальной, трогательной любовью к эклектике, изжитой и бесполезной. Однако эта коричневая книжка читается легко и не без интереса.

Совершенно недопустима книга Эренбурга «Молитва о России». Это сборник до тошноты истерических, я бы сказал, бабьих причитаний, причем многое — просто протокольный пересказ газетных передовиц — конспект событий. Тут и псевдо-

народный стиль с декадентщиной и наигранные сцены о православных церквах, словом, «стихи на торжественный случай». Тут самое прелюбопытное комбинирование Маяковского с Некрасовым. Обращается Эренбург с формой стиха невероятно фамильярно, «по супружески» рифмует, что попало, с чем попало и, если нет созвучий, вроде «немытый — парикмахер», то «всех — крест» одна из лучших рифм. Впечатление от книжки таково, что Эренбург ужасно боится: «Революция — а я не откликнулся». Впрочем, перечитывая с трудом и отвращением эту книжонку, вспоминаешь, что во времена оны пел Эренбург католических аббатов и средневековье, затем славил «греческого бога Диониса», потом пустился в интимизм. Будем надеяться, что и это стадия не последняя для переимчивого поэта, потому что все-таки маленькие способности у Эренбурга есть и жалко будет, если он так и погибнет в псевдореволюционном (или псевдоконтрреволюционном) патриотическом кликушестве.

Полную противоположность растерзанным неряшливым строкам Эренбурга представляют «Сады Дофина» Влад. Королевича. Тут все очень жеманно и красиво. Самэн и Кузмин учили молодого поэта писать стихи, и по некоторым строкам надо полагать, что Королевичу есть о «чем» писать и «как» писать, но, к сожалению, до сих пор молодой поэт гонится за стремительным успехом у невзыскательной публики, любящей не красоту, а красоту, и слишком мало делает для того, чтоб развить свой талант. Впрочем, кой в чем намечается уже собственное и довольно интересное лицо Королевича, и нам хочется верить, что не даром он выбрал своей темой «дешевку» города; это новая и неиспользованная область. Однако боимся, что Королевич не встанет на подлинный путь и, вместо того, чтоб писать о дешевом, будет дешево писать.

От маленькой и изящной книжки в парчовом переплете Льва Монозона «Последняя нежность» веет подлинным аристократизмом, очень хорошо гармонирующим с короткой надписью «издание в продажу не поступает». В коротких, нерифмованных строках молодого поэта есть редкая в наши дни сдержанность и, хотя зачастую эти строки не проникают в сознание широкого читателя, мы думаем, что эта беда поправится и что замкнутый темперамент прорвется наружу. Отсутствие темперамента несколько расхолаживают такие отрывки, как:

Но жестокое время
 Еще не успевает состарить нас
 На секунду,
 Как вы опускаете устало ресницы,

И слабым жестом
 Приглашаете меня войти.
 Я — мертвенно — спокоен.
 Тихо вхожу. Целую руку.
 Мне кажется,
 Я даже не забываю спросить Вас
 О здоровье.

Этот отрывок проникнут тем настроением, которое лучше всего выражается словами того же поэта:

Громадная сила рождается во мне
 В ответ мягкости вашей,
 И я забываю
 Свою любовь к аристократизму слабости,
 И я знаю,
 Что подлинная стыдливость дикаря
 Толкает меня кинуть Вам
 «Завтра?
 Завтра я занят».

Сравнивая стихи «Последней нежности» с прежними стихами Л. Монозона, мы видим большое движение вперед, неустанную работу, и помимо того, что справедливость требует отметить, что автору этой статьи известны позднейшие еще более сильные стихи Монозона — я должен определенно сказать, что талант Монозона не подлежит сомнению так же, как и его оригинальность. Единственным неприятным диссонансом в книжке звучит послесловие, где поэт называет свою книгу «интимной церковкой души». После сдержанных стихов, после благородства строк эта «церковка» звучит ненужной рыночностью.

Вл. Маяковский издал вторым изданием свое великолепное «Облако в штанах» и первым изданием «Человек». «Облако», вышедшее без цензуры, в глазах публики должно выиграть, но нам, признаться, больше нравилось первое. За невольной недоговоренностью многоточий угадывалась мощь богохульства. Ныне оказалось, что там было больше богоругания. Но это не меняет нашего мнения об этой поэме, как об лучшей книге Маяковского и как об одной из лучших книг этих лет, особенно если сопоставить с «Человеком», звучащим слабо, перепевчато и надуманно. В «Человеке» очень много наивных рассуждений и открытий Америк, и нам хочется, чтоб поэт понял, наконец, что ему не хватает знания и перестал угадывать там, где надо просто знать.

Роскошно изданный «Салон поэтов» собрал стихи более 50 поэтов. В нем и перепечатки и новые стихотворения. Что касается редакции, то нам неясно: как можно было помещать де-

сяток никому неизвестных и безнадежных поэтов и пропускать К. Большакова, Н. Асеева, Л. Никулина и др. Из представленных нам больше всего понравились стихи Н. Гумилева, О. Мандельштама, Рюрика Ивнева и Б. Пастернака. Очень плохи «метры» и особенно Бальмонт, не говоря уж об Иванове (и Георгии и Вячеславе) или о каком-нибудь Лозинском или Ахматовой. «Альманах Муз», выпустивший книгу I под названием «Песни Любви», включил в себя очень тихие стихи Канигос Респеля и Бальмонта, посредственные стихи Вяч. Иванова и Н. Павлович, недурные стихи (особенно второе) Королевича и превосходные стихи С. Спасского, вроде:

По руслам встреч и будто два крыла
 Я, словно лебедь, взмывшийся к закатам.
 И скрипки глаз и дней колокола
 Куют весну серебряным набатом.
 Хрустален март! О, солнце, не пролей
 Янтарный кубок золотого меда.
 И вот сердца, как двое кораблей,
 По руслам встреч размерно пенят воды.

Но, в общем, от сборника en masse * веет бесконечным провинциализмом.

Самой интересной и значительной книгой стихов за 1918 г. является сборник Вас. Каменского «Звучаль Веснеянки», где есть подлинный пафос поволжанина и удаль и буйство. Так писал бы, если бы он жил в наши дни, Н. Языков. Не хочется цитировать отдельных строк и стихотворений, так едина эта кричащая и поющая книга, в которой строки льют через край, как пена хмеля. Правда, Каменский не умеет писать стихов, многое еще слабо со стороны технической, но важно ли это? У нас так много поэтов, владеющих техникой стиха и не владеющих техникой поэзии. Во всяком случае, «Звучал Веснеянки» лучшая книга стихов последнего трехлетия, сравниться с которой могло только «Облако в штанах» Маяковского и лучше которой только «Солнце на излете» К. Большакова. Суммируя все вышесказанное, мы принуждены повторить, что только внешние события так повлияли на поэтическую жизнь, что у нас нет интересных сборников, потому что наши дни богаче поэтическими талантами, чем период символизма, и мне кажется, что многие из молодых поэтов, имена которых сейчас так чужды, очень скоро затмят имена Бальмонта и Блока, и из всей накипи символизма останется для истории только имя Брюсова, как подлин-

* в целом (фр.). — *Ред.*

ного поэта; но и он уже пленник истории. Перефразируя Северянина, можно сказать:

Для нас Державиным стал Брюсов,
Нам надо новых голосов.

И хор этих «новых голосов» запоеет ярко и выразительно, как только пройдет гроза революционной суматохи, и хор этот будет настолько оглушительно-ослепителен, что и глухие к стихам услышат его.

